

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА РЫЛЕЕВА

ПИСЬМА К Ф. В. БУЛГАРИНУ, А. Ф. ВОЕЙКОВУ, П. А. ВЯЗЕМСКОМУ,
Д. И. ЗАВАЛИШИНУ, Н. А. МАРКЕВИЧУ, В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗ. РЫЙ
КОМИТЕТ, Ф. А. РЫЛЕЕВУ

1. РЫЛЕЕВ — Ф. А. РЫЛЕЕВУ

⟨Петербург. 15—23 апреля 1810 г.⟩

Христос воскрес,
дражайший мой родитель
Федор Андреевич,

Имея благовременный случай изъяснить мою сыновнюю к Вам привязанность, беру смелость к Вам писать. Зная, что Вы теперь находитесь в хлопотах и не имеете время писать к Иван Гермолаичу¹, который ныне получил Вашу квитанцию на 2800 асс. от каретника, предоставил мне Вас об оном известить; то извольте, дражайший мой родитель, ко мне или к Иван Гермолаичу об оном написать, как и куда деть.

Я, исполняя Вашу волю в рассуждении учения, осмеливаюсь у Вас просить 25 рублей, дабы купить сии книги: Полную Математику в 7 частях состоящую и содержащую все математические науки и стоящую 25 рублей, и Жизнь Суворова, в книге недавно вышедшей, стоящую 10 асс. 25 коп.; сии обе книги один кадет уступает за 30 асс. Пять у меня есть, оставшиеся с праздника, на котором у меня было 15 асс., 10 от Вас оставшиеся, а 5 принес Аденау². Вы можете на меня положиться, ибо в бытность Вашу в Петербурге, когда Вы мне давали деньги, то я всегда употреблял на книги, которых у меня уже набрано 15. Также сделайте милость, напишите к Иван Гермолаичу, чтобы он ко мне носил книги, которые Вы у него оставили.

Уведомляю Вас, что матушка терпит нужду в деньгах, которые она должна в ломбард, но сделайте милость не говорите, что я Вас уведомил.

Впрочем остаюсь Ваш почитающий и любящий сын

Кондратий Рылеев

П⟨остскрипtum:⟩ Весьма сожалею о смерти Вашего благотворителя, князя Голицына, также и о Вашей потере, но бог вознаградит оное³.

Надпись на последней странице: Его высокоблагородию

г-ну подполковнику Федору Андреечу Рылееву.

В Печерской Большой, в собственном его доме

в Московской улице, в Кисее.

Автограф. ЦГИА, ф. № 279 оп. 1, ед. хр. 282, лл. 1—2.

Датируется апрелем 1810 г. по следующим основаниям. «Благотворитель» Ф. А. Рылеев, в связи с кончиной которого Рылеев выражает отцу соболезнование, — член Государственного совета, генерал от инфантерии, кн. Сергей Федорович Голицын (см. о нем ниже), умер в начале 1810 г. Рылеев написал письмо в дни праздника Пасхи, с которым он поздравляет отца; в 1810 г. этот праздник приходился на 17—23 апреля.

Настоящее письмо тематически связано с другими письмами Рылеева к отцу.

Это, четвертое по счету, письмо к отцу вносит некоторые штрихи в характеристику Рылеева-юноши. Оно показывает его тактичное отношение к матери, которая не хотела принимать денежную помощь от мужа, жившего отдельно от нее в Кисее.

¹ Иван Гермолайч — лицо неустановленное.

² Лицо это также неизвестно.

³ Отец Рылеева был главноуправляющим киевским имением кн. С. Ф. Голицына. Вступившая после смерти мужа в права наследства В. В. Голицына предъявила к наследникам Ф. А. Рылеева (умершего в 1814 г.) большой денежный иск, в результате чего на все киевское имущество Ф. А. Рылеева, в том числе и на его дом на Московской улице, был наложен правительственный секвестр. Киевское губернское правление уведомило об этом К. Ф. Рылеева через канцелярию 1-го кадетского корпуса 4 октября 1814 г. (см. это уведомление в книге Маслова — Прилож., стр. 105). Рылеев был возмущен действиями Голицыной: «О вельможи! О богачи! Неужели сердца ваши не человеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего!» — писал он 6 марта 1815 г. матери (Рылеев. Соч., стр. 435).

О постоянно стесненном материальном положении матери Рылеева, Анастасии Матвеевны, жившей в небольшой деревеньке Батово, под Петербургом, см. подробнее в статье В. Н. Нечаева «Батово, усадьба Рылеева». — «Звенья», IX, 1951, стр. 194—212.

2. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Петербург. Апрель — май 1822 г.⟩

Милостивый государь!

Князь Петр Андреевич!

Предприимая с А. А. Бестужевым издать русский альманах на 1823 год, мы решились составить оный из произведений первоклассных наших поэтов и литераторов ¹, для чего уж от некоторых из сего числа получили несколько пьес, еще нигде не напечатанных. Желая, дабы издание сие, — у нас первое явление в этом роде, — было украшено свежим цветком музы русского Шольё ², осмеливаемся просить удостоить нас присылкою какого-либо произведения игривого Вашего пера, чем подарите публику и обяжете издателей. С истинным почтением имею честь быть, милостивый государь,

Ваш покорный слуга Кондратий Рылеев

Р. С. Если почтите ответом, то адресовать можете в типографию Н. И. Греча: Кондратию Федоровичу Рылееву. Печатание альманаха начнется в первых числах июня.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 2704, л. 1.

Датируется по сообщению, что «печатание альманаха начнется в первых числах июня». Впрочем, сдача «Полярной звезды» в печать задержалась из-за многочисленных придирок цензора. 6 сентября 1822 г. Рылеев сообщил Баратынскому, что его сатиры «не пропускает Бируков»; он же запретил к печати и несколько стихотворений Пушкина (Рылеев. Соч., стр. 465—466). Цензурное разрешение на выход альманаха подписано было цензором Бируковым 30 ноября 1822 г., а в свет книга вышла 24 декабря.

¹ Это намерение издателям «Полярной звезды» на 1823 г. вполне удалось осуществить: в альманахе появились произведения Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гнедича, Д. Давыдова, Дельвига, Крылова, Ф. Глинка и др. Вяземский прислал для «Полярной звезды» следующие произведения: «Послание к И. И. Дмитриеву», «Всякий на свой покрой», «Цветы», «Надписи к портретам» и пять эпиграмм.

² Шольё — французский поэт-эпикуреец XVII — начала XVIII в. Пушкин называл в шутку Вяземского «Шольё Андреевичем», усматривая в его творчестве некоторую аналогию с произведениями французского поэта. Рылеев повторяет это наименование Вяземского.

3. А. А. БЕСТУЖЕВ И РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Петербург. 27 декабря 1822 г.⟩

Ваше сиятельство,

милостивый государь,

петербургские волхвы, предрекающие Вам бессмертие, бьют челом «Полярною звездою» ¹, и очень рады случаю еще раз поблагодарить русского Шольё за прекрасные пьесы, которыми он украсил наше издание. Мы сидим у моря и ждем, чтобы попутный ветер общего мнения подул в бумажные наши паруса для предприятия на будущий год ².

Примечаніе въ
Драмматическомъ Словаре.

Ichte Schatzkammer und ein paar Acker
 von Schindeln es bald wieder gewonnen
 sey. Schenken sie bald was an
 Euch von dem Lande, was denn die
 da ermaant. A. Ich hab' ein Spruch
 namentl. d. Abt. Spinnerey. Kom-
 me. Ich hab' neulich eine Klein-
 ge zu 25000 und Papierenha. oyd.
 emblett. und hat die oeldt. Hoff-
 manns, von Wittenberg. Garantiert und
 gedankt. Es hat nun die Abt.
 Spinnerey d. oeldt. Kommiss. d. Hof-
 a. L. H. H.

[illegible]

Cylindrotheca 8 found. *Radulus* 11 found
among 10 8 9 & 10 and also *Radulus*
and *Radulus* among 10 8 9 & 10
60 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 102

Sept. 18. To South Lane Marysville
Sept. 19. 1872. To Dubuque Co.
to the new Volcanic to. Aug. 20
to the adjacent mountain to the
west of Dubuque Co. to the Dubuque.

M. apiculatus var. *apiculatus* Lachn.

Strophomena subequata a. *Strophomena*

And I feel in

[illegible]

Et bene de qua p[ar]te
 quod non est de qua p[ar]te
 Anonymus.
 Phil. 1. 1. 1.
 Et bene de qua p[ar]te
 quod non est de qua p[ar]te
 Anonymus.

АВТОГРАФ ПИСЬМА РЫЛЕЕВА К ОTCY. АПРЕЛЬ 1810 г.

Центральный исторический архив, Москва

Испытав, с какою благосклонностью наделили Вы нас своими произведениями, позвольте надеяться, князь, что и следующая «Звезда» заблестит Вашими лучами³. В этот раз мы поздно начали издание от замедления статей, но будущее для лучшего успеха намерены начать заранее, с апреля месяца. Примите, князь, уверение в искреннем уважении нашем.

Вашего сиятельства покорнейшие слуги

Александр Бестужев и Кондратий Рылеев

27 декабр^я 1822 г.

С.-Петербург.

Р. С. Долгом считаем уведомить Вас, что корректуру пьес Ваших держал В. А. Жуковский. Пьесы, означенные двумя звездочками, принадлежат А. Пушкину⁴.

Автограф А. А. Бестужева. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 5084, т. III, лл. 105—106.

Письмо это написано тотчас после выхода в свет «Полярной звезды» на 1823 г. и сопровождалось посылкой Вяземскому альманаха.

¹ См. прим. к предыдущему письму.

² О сочувственном отношении читателей и критики к вышедшему альманаху — см. Маслов, стр. 351—356.

³ Вяземский исполнил эту просьбу: в «Полярной звезде» на 1824 г. были напечатаны следующие его стихотворения: «Молоток и гвоздь», «Воли не давай рукам», «В шляпе дело», «Петербург», «Данным данно». Вяземского не удовлетворило содержание второй книжки «Полярной звезды». 20 января 1824 г. он писал Бестужеву: «Звезда не имеет блеска прошлогодней <...> много детского лепетания, милого, сладкозвучного, но мало мыслей, мало зрелости, мужества» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 322).

⁴ В «Полярной звезде» на 1823 г. (за подписью: **) были напечатаны стихотворения Пушкина «Овидию» и «Мечта война» («Война! Развиты наконец...»), содержащие намеки на его положение политического ссыльного.

4. А. А. БЕСТУЖЕВ И РЫЛЕЕВ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

⟨Петербург. Июнь—июль 1823 г.⟩

[Милостивый гос<ударь>]

Издатели «Полярной звезды» просят всех собирателей так называемых новостей литературы, образцовых сочинений и прочих словесных мозаиков пощадить их издание и не перепечатывать из оного самовольно ни прозы, ни стихов. В противном случае, если кто-либо вздумает впредь воспользоваться варварским правом корсаров, то мы в замену не упустим употребить европейское право эмбарго.

Побудительною причиною к сему объявлению есть уважение к публике, которой неприлично надоедать пьесами несколько раз перепечатанными.

Александр Бестужев
Кондратий Рылеев

Черновой автограф А. А. Бестужева. ЛБ (шифр М. 8416, II, № 68, 1936). — Факсимиле воспроизведено: И. Романовский. Книга и жизнь. Очерки о Государственной библиотеке СССР им. Ленина. М., 1950, стр. 137.

Это письмо было впервые опубликовано (по автографу Рылеева) в «Русском архиве», 1871, № 4-5, стб. 0964, но осталось незамеченным исследователями и не вошло ни в одно издание сочинений Рылеева.

Автограф представляет собою объявление редакторов «Полярной звезды», которые с обращениями к публике обыкновенно выступали вместе (см., например, их объявление об издании «Полярной звезды» на 1825 г., написанное 15 декабря 1824 г. и напечатанное в «Сыне отечества», 1825, № 1, стр. III). В данном случае объявление имеет характер предупреждения тем редакторам журналов и альманахов, которые бесцеремонно использовали в своих интересах громадный успех альманаха «Полярная звезда» у русских читателей.

Предположительный адресат этого предупреждения, Александр Федорович Воейков (1778—1839) — редактор-издатель газеты «Русский инвалид» и журнала «Новости литературы», издававшегося им в сотрудничестве с В. Козловым. Непосредственным поводом к заявлению редакторов «Полярной звезды» могла явиться бесперомная контрафакция Воейкова, перепечатавшего в третьей книжке «Новостей

ОГЛАВЛЕНИЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1823 ГОД
 АВТОГРАФ РЫЛЕЕВА

Лист 1

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

литературы» (1823) из «Полярной звезды» на 1823 г. два произведения Вяземского: «Всякий на свой покров» и «Элегия». Перепечатка сопровождалась следующим редакционным примечанием, принадлежавшим Воейкову: «Сия и следующая пьесы взяты нами из „Полярной звезды“, карманной книжки на 1823 год, о коей подробное извещение помещено в „Русском и инвалиде“». — Изобилие прекрасных стихотворений затрудняло нам выбор: но пределы сих листов заставили нас ограничиться двумя и кратчайшими. Изд.».

Рылев и Бестужев, возможно, прошли бы мимо этого возмутительного факта, если бы он был единичным. Но Воейков продолжал энергично «заимствовать» у них

материал. На стр. 172—176 пятой книжки «Новостей литературы» была перепечатана дума Рылеева «Иван Сусанин».

Поведение Воейкова и ему подобных не могло помешать успеху «Полярной звезды» на 1823 г., которая вышла в конце декабря 1822 г. и к 21 мая 1823 г. (время цензурного разрешения третьей книжки «Новостей литературы») была почти распродана. Но контрафакции эти наносили сильный материальный ущерб «Полярной звезде», первому русскому альманаху, в котором авторы получали гонорар за свои произведения. Самовольные перепечатки из «Полярной звезды» грозили сорвать выход следующих книжек альманаха.

Учитывая это, Рылеев и Бестужев решили заявить протест. Их объявление могло быть адресовано непосредственно Воейкову как редактору «Новостей литературы». Едва ли, однако, Рылеев легко решился на этот шаг. Воейков еще недавно напечатал в своих изданиях несколько дум Рылеева: «Олега вешего» («Новости литературы», 1822, № 11, стр. 171), «Ольгу при могиле Игоря» (№ 12, стр. 187), «Михаила Тверского» (№ 19, стр. 93), «Дмитрия Самозванца» (№ 2, стр. 28), «Богдана Хмельницкого» («Русский инвалид», 1822, № 54, стр. 215), «Артемона Матвеева» (там же, № 35, стр. 140), «Волынского» («Новости литературы», 1822, № 16, стр. 42). Воейков не раз хвалил поэтический талант Рылеева; см., например, его редакционное примечание к перепечатанной им рылеевской думе «Смерть Ермака»: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными» («Русский инвалид», 1822, № 14, стр. 55).

Со своей стороны Рылеев ценил Воейкова как опытного журналиста. Из-за него он в сентябре 1823 г. поссорился с Булгариным (см. письмо к последнему от 7 сентября 1823 г. — Рылеев. Соч., стр. 469—470). Можно поэтому думать, что публикуемое выше объявление не было послано. Мало этого: в августе 1823 г. в журнале Воейкова «Новости литературы» опубликована была дума Рылеева «Наталья Долгорукова» (№ 30, стр. 61).

Но если в 1823 г. редакторы «Полярной звезды» еще могли отложить свой протест, то годом позднее это сделать было уже невозможно. В июльском номере «Новостей литературы» за 1824 г. (стр. 12—13) Воейков вновь допустил контрафакцию, перепечатав из «Полярной звезды» начало пушкинской поэмы «Братя разбойники». В ответ на это издатели «Полярной звезды» обратились к Воейкову с официальным письмом (от 15 сентября 1824 г.), которым разрывали свои отношения с ним (опубликовано Н. И. Мордовченко в сб. «Литературный архив», т. I. М., 1938, стр. 422).

Не довольствуясь этим, Бестужев писал в своем критическом обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «*Инвалид* наполнял свои листки и *Новости литературы* лежалкою прозою и перепечатанными стихами. Заметим, что с некоторого времени закралась к издателям некоторых журналов привычка помещать чужие произведения, без спросу и пользоваться чужими трудами безответно» («Полярная звезда» на 1825 г., стр. 20).

5. В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

«Воронеж. 14 ноября 1824 г.»

По нахождению моему в городе Воронеже покорно прошу гвардии капитана Петра Александровича Муханова подать рукопись сию в Цензурный комитет Московского университета и обратно получить оную.

Р. Рылеев

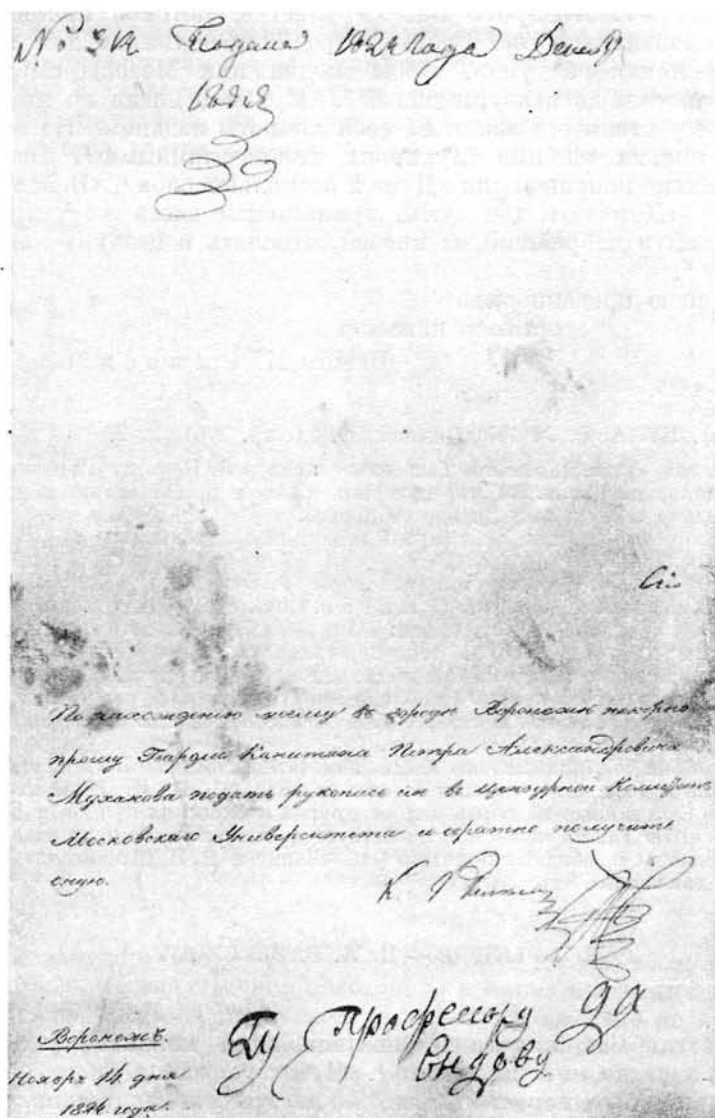
Воронеж

Ноября 14 дня 1824 года.

Доверенность эта написана на титульном листе рукописи отдельного издания «Дум», хранящейся в ЦГАДА, ф. № 181, д. 1425 (860). На верху титульного листа значится входящий номер рылеевской рукописи (314) и пометка: «Подано 1824 года декабря 18 дня». Внизу титульного листа пометка: «1824 года декабря 22 дня сию рукопись рассматривал ординарный профессор надворный советник и кавалер Иван Давыдов. Печатать позволяется. Декан Лев Цветаев».

Выпустить «Думы» в Москве Рылеев решил в результате неудач с печатанием своих од «Видение» и «Гражданское мужество». Первую петербургская цензура пропустила в печать лишь в сопровождении обесмысливающих ее примечаний и с очень существенными изменениями в тексте; ода «Гражданское мужество» была цензурой запрещена. Повидимому, после этого, в середине 1824 г., у Рылеева созрел план провести издание «Дум» через более снисходительную московскую цензуру. Этот план вскоре и был приведен в исполнение. Осень 1824 г. Рылеев провел в воронежском имении Тевяшовых, Подгорном. Доверенность П. А. Муханову была им написана 14 ноября 1824 г., рукопись, повидимому, тогда же была отослана в Москву. Сам Рылеев прибыл туда в первых числах декабря, однако проведением своей рукописи через цензуру

он уже не занимался. Муханов подал рукопись только 18 декабря (через месяц с лишком после выдачи доверенности), и уже через четыре дня она была разрешена к печати. Нет сомнения, что в таком быстром прохождении рылеевской книги через московскую цензуру сыграла роль помощь, оказанная изданию Вяземским (см. ниже письма к нему Рылеева от 12 января и 20 февраля 1825 г.).

ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ РЫЛЕЕВЫМ П. А. МУХАНОВУ
14 НОЯБРЯ 1824 г. НА СДАЧУ РУКОПИСИ «ДУМ»
В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

Автограф

Архив Древних актов, Москва

Петр Александрович Муханов (1799—1854) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза Благоденствия. Муханов находился в дружеских отношениях с Рылеевым и выполнял ряд его поручений, в частности — по распространению в Киеве «Полярной звезды» (см. его письмо к Рылееву от 31 января 1824 г. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 325—326).

6. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург. 12 января 1825 г.>

Почтеннейший и любезнейший князь

Петр Андреевич!

Позвольте поблагодарить Вас за участие, которое принимаете Вы в судьбе «Войнаровского». Верьте, что Ваше внимание для меня драгоценно. Я никак не думал, чтобы сподвижник Мазепы так мало пострадал в чистилище цензуры нашей¹. Муханов писал ко мне, что Вы на время отсутствия его взяли на себя хлопоты издания. На этот конец прилагаю письма на имя Муханова незапечатанными². Вы увидите в них несколько поправок для «Дум» и несколько слов о «Войнаровском». Перемены в «Думах» и три думы, прилагаемые здесь же³, прошу Вас, почтеннейший и добрейший из князей, отослать в цензуру или к Селивановскому⁴.

С душевною преданностию

остаюсь навсегда

Вашим К. Рылеев <ым>

12 января 1825.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 2701, л. 2.

¹ Ряд стихов «Войнаровского» был изъят цензурой. Поэтому Рылееву пришлось снабдить издание специальным «предупреждением» и примечаниями под текстом.

² Эти письма к Муханову до нас не дошли.

³ См. об этом в примечаниях к первой редакции предисловия к «Думам» и к думе «Владимир Святой».

⁴ В письме к П. М. Строеву той же поры Рылеев аттестовал Селивановского как «истинно почтенного человека» (Рылеев. Соч., стр. 480), а в записке к самому Селивановскому (декабрь 1824 г.) писал: «Мне желательно издать здесь и „Войнаровского“ и „Думы“ мои; я поручил об этом переговорить с Вами Петру Александровичу Муханову; надеюсь, что Вы с ним сойдетесь: человек редкой души и отличных правил. Я еду в ночь; постараюсь урвать несколько минут, чтобы еще раз увидеться с Вами; в противном же случае прошу верить, что я душевно Вас люблю и уважаю» (К. В. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 137).

В типографии Селивановского были напечатаны отдельные издания «Дум» и «Войнаровского» (обе книги вышли в свет в 1825 г.). В. И. Штейнгель говорил Рылееву, что Селивановский образованнее других московских купцов и что он и без привлечения его в Тайное общество содействует достижению его цели изданием книг, распространяющих «свободные понятия» (см. «Записки В. И. Штейнгеля» в кн.: «Общественные движения», стр. 305).

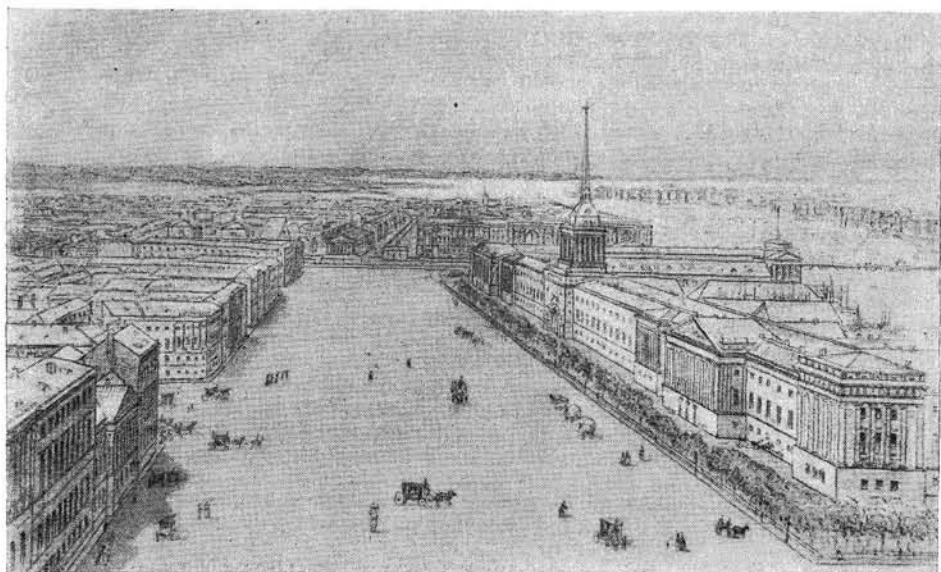
7. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург. 20 февраля 1825 г.>

О несчастии Вас постигшем, почтеннейший князь Петр Андреевич, мы узнали еще до письма вашего¹. Чувствую вполне и по опыту, как велика должна быть горесть Ваша, но делать нечего: жизнь наша есть железная цепь беспрестанных неприятностей и лишений, кое-где позолоченная минутным счастьем. Твердость — обязанность каждого, и Вы, князь, отдав долг природе должное <!>, как отец семейства, как просвещенный гражданин и писатель, обязаны, призвав ее в помощь, посвятить себя снова на пользу общую, должны снова разить порок и обличать невежество своими ювеналовскими сатирами к удовольствию публики и к радости друзей и почитателей Ваших и Вашего дарования; к досаде Лужницких старцев и юношей, им растлеваемых².

За участие в издании книг моих снова душевно и премного благодарю. Не пропушенных цензурою «Дум» не жалею, но боюсь за «Войнаровского»: из письма Нечаева вижу, что цензура опять в раздумье³. За чужие

гостинцы для «Звезды» нашей приносим благодарность. Пред Иваном Ивановичем Дмитриевым я очень виноват, не быв у него в проезд свой чрез Москву для изъявления неллицемерного уважения⁴. Нельзя ли, почтеннейший и добрейший из князей, выхлопотать у него отпущение столь тяжкого греха: теперь же великий пост. Одно обстоятельство оправдывает меня: я выехал из Москвы прежде, чем предполагал, получив от Бестужева известие о затоплении квартиры моей⁵. Оболенский⁶ обрадовал нас, уведомив, что привезет нам Ваши гостинцы для «Звезды»; это необходимо: у нас только и недостаток в стихотворениях Ваших⁷ и Жуковского. От В<асилия> Андр<еевича> ни стишка, зато подарил он нам письмо о Швейцарии⁸. Кажется третья «Звезда» будет лучше двух первых, особенно,

ВИД АДМИРАЛТЕЙСКОЙ ПЛОЩАДИ

Рисунок неизвестного художника, 1830-е гг.

Музей истории Ленинграда

когда вы не забудете подкрепить нас⁹. Бестужев делает обозрение литературы за прошлый год. Начало ново, живо и кипит мыслями глубокими. В продолжении он намерен сделать маленькое нападение на непостоянство суждений некоторых журналистов и критиков наших¹⁰. Давно пора, но вряд ли будет полезно: хромых одна могила исправит. Половина «Звезды» уже половина оттиснута. Альманах Аладына¹¹ вышел на масленице. Вы, я думаю, уже потешались этою аладьей. Дерзость удивительная печатать чужое без позволения и кабалить людей в одно общество с бессловесными. Недостаток благородного, честного журнала с каждым годом становится ощутительнее, но страшно сделаться журналистом: так это звание теперь опакощено.

Прощайте, почтеннейший князь.

Будьте здоровы, благополучны и грозны попрежнему для врагов вкуса, языка и здравого смысла. Вам не должно забывать, что однажды выступив на такое прекрасное поприще, какое Вы себе избрали, дремать не должно: давайте нам сатиры, сатиры и сатиры. Бестужев благодарит за память: он на дежурстве и потому не пишет¹². Грибоеду я передал

¹⁰ Литературное наследство, т. 59

поклон Ваш; он благодарит и взаимно просил меня передать Вам свой поклон. Он дал в «Звезду» прекрасный отрывок из Гётева «Фауста».

С сердечною преданностью

Ваш Кондратий Рылеев

Мы и Грибоедов просим Вас послать к Верстовскому за музыку, которую сделал он для Грибоедова романса, и переслать к нам для «Звезды»¹³.

20 февраля <1825 г.>

С.-Петербург.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 5084, т. III, лл. 108 — 109 об.

Четыре письма Рылеева к Вяземскому ярко характеризуют их дружеские отношения. Вяземский ценил творческое своеобразие рылеевских дум, которые, как он писал Рылееву и Бестужеву в 1823 г., «носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную, посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 312).

¹ У П. А. Вяземского в начале 1825 г. умер ребенок.

² «Лужницкий старец» — редактор консервативного журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовский, подписывавший этим псевдонимом статьи против романтиков вообще и против Вяземского — в частности. Рылеев говорит здесь о «Лужницких старцах», тем самым подчеркивая собирательность этого явления: литературным «старовером» был не один Каченовский.

³ Об этом см. предыдущее письмо. — Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860) — литератор, член Союза Благоденствия, поместивший в «Полярной звезде» на 1824 г. стихотворение «Сирота», а в «Полярной звезде» на 1825 г. — «Воспоминания». Упомянутое письмо Нечаева в печати неизвестно.

⁴ И. И. Дмитриев когда-то был одним из любимых поэтов Рылеева. По воспоминаниям А. И. Косовского, Рылеев читал ему и другим офицерам по конно-артиллерийской роте «из лучших сочинений прозу и стихи, к чему он имел большую способность и дар слова! Но Державина и Дмитриева предпочитал прочим» (см. стр. 240). В стихотворении «Пустыня» (1821 г.) Дмитриев был наделен эпитетом «почтенный». Однако отношение Рылеева к аполитичной и сентиментальной поэзии Дмитриева в 1825 г. уже не могло быть сочувственным. Личных связей между поэтами почти не было.

⁵ А. А. Бестужев самоотверженно помог домашним Рылеева спасти его имущество во время наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г. (см. об этом письмо Рылеева к жене от 14 декабря 1824 г. — Рылеев. Соч., стр. 475—476).

⁶ Евгений Петрович Оболенский, бывший в ту пору в Москве.

⁷ В «Полярной звезде» на 1825 г. были помещены два стихотворения Вяземского: «Того сего» и «Графиням Чернышевым».

⁸ Речь идет о прозаических «Отрывках из письма о Швейцарии», помещенных в «Полярной звезде» на 1825 г.

⁹ Эту же оценку Рылеев повторил в письме к Пушкину 10 марта 1825 г.: «„Полярная звезда“ выйдет на будущей неделе. Кажется, она будет лучше двух первых» (Рылеев. Соч., стр. 489).

Подобное же мнение высказали «Северная пчела» (1825, № 40, рецензия С.) и «Сын отечества» (1825, № 10, статья Д. Р. К.).

¹⁰ Рылеев имеет в виду статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», помещенную в «Полярной звезде» на 1825 г. Статья эта содержала в себе резкие выпады Бестужева против космополитических настроений русского дворянского общества двадцатых годов. «Мы, — писал Бестужев, — воссали с молоком безнравности и удивление только к чужому...» (Цит. по изд.: А. А. Бестужев-Марлинский. Собр. стих. Л., 1948, стр. 177). Сочувствие Рылеева должен был вызвать тезис Бестужева о вреде «ободрения» меценатов для подлинных дарований: «Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бедности изможденных гонением или недостатком лиц ваших — рассвет бессмертия!» (там же, стр. 179).

¹¹ «Невский альманах», — по аттестации Бестужева, — «неизвестный попутчик для других альманахов» (А. А. Бестужев-Марлинский. Собр. стих., 1948, стр. 186), выходил в течение ряда лет. Первая книга вышла в 1825 г.

¹² А. А. Бестужев был адъютантом герцога Вюртембергского.

¹³ Ноты романса Грибоедова (музыка А. Н. Верстовского) были помещены в «Полярной звезде» на 1825 г. в виде приложения, без обозначения фамилий обоих и с надписью: Walzer.

8. РЫЛЕЕВ — Ф. В. БУЛГАРИНУ

В числе исторических и литературно-бытовых анекдотов, записанных Пушкиным, сохранился следующий рассказ: «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: „Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил“»¹.

Эти строки в изданиях Пушкина не комментируются, так как в распоряжении исследователей долгое время не было никаких данных, могущих пролить свет на отношение Пушкина к этому инциденту, определить причины конфликта или хотя бы его дату. Интерес к анекдоту, рассказанному Пушкиным, еще более обострился после опубликования в 1925 г. предельно краткой фактической справки о столкновении Дельвига с Булгариным, которую, со слов Нащокина, внес в 1851 г. в одну из своих записных книжек П. И. Бартевев, собирая материалы для биографии Пушкина: «Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Рылеев должен был быть секундантом у Б<ул>гарина», Нащокин — у Дельвига. Б<ул>гарин» отказался. Дель<виг> послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц»².

Несмотря на исключительную скудость данных Нащокина о несостоявшейся дуэли, в его рассказе все же очень ценно самое расширение круга свидетелей конфликта, во-первых, и намек на принципиальный, а не интимно-бытовой характер столкновения двух литераторов, во-вторых.

Обнаруженный редакцией «Литературного наследства» неизданный до сих пор документ — записка Рылеева к Булгарину — проливает свет на этот неясный эпизод. Приводим текст автографа:

(Петербург. 28—30 апреля 1825 г.)

Любезный Фадей Венедиктович!

Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль или убийство. Dixit *.

Твой Рылеев³.

На обороте адрес: Его благородию милостивому государю

Фадею Венедиктовичу Булгарину.

На Сампсониевской улице, у бутки в доме Калугиной.

Рылеев, Дельвиг, Булгарин, как ни противоестественно звучит сейчас сочетание этих трех имен, в период общественного подъема начала двадцатых годов были связаны друг с другом не только литературными, но и личными отношениями.

А. А. Дельвиг — поэт, один из ближайших лицейских товарищей Пушкина и Кюхельбекера, член общества «Зеленая лампа» и Вольного общества любителей российской словесности, принадлежал к числу литераторов, общественно-политическая платформа которых была близка программе Союза Благоденствия. 18 апреля 1821 г. Дельвиг рекомендует в члены-сотрудники Вольного общества Рылеева, в то время оставшего подпоручика, сотрудника журнала «Невский зритель», автора сатиры «К временщику», публикация которой вызвала незадолго перед тем большой шум в широких общественно-литературных кругах. Первым произведением, которое представил Рылеев 25 апреля 1821 г. на суд своих новых товарищей по Вольному обществу, явился перевод с польского сатиры Булгарина «Путь к счастью»⁴. В конце 1822 г. Рылеев организует альманах «Полярная звезда», участие в котором принимают и Дельвиг, и Булгарин. Их имена встречаем мы и в «Полярной звезде» на 1824 г. К этому времени Рылеев вошел уже в ряды тайной революционной организации будущих декабристов. С осени 1823 г. литературная деятельность Рылеева полностью подчиняется задачам политической борьбы, определяется как одна из форм массовой агитационно-пропагандистской работы. Этот перелом в политической и литературной биографии Рылеева не мог не отразиться и на характере его руководства «Полярной звездой». Чем явственнее определялись тенденции Рылеева к превращению альманаха в легальный орган Тайного общества, тем резче стали обозначаться в кругу его литературных друзей признаки неизбежно назревавшего размежевания.

Этот процесс отхода либерально настроенных литераторов от писателей революционного лагеря не мог быть особенно бурным, ибо самые условия общественно-

* Он сказал (лат.).

литературной борьбы первой половины 1820-х годов не позволяли дробить силы перед лицом общего врага.

И тем не менее, симптомов разъединения в рядах писателей, примыкавших к прогрессивному лагерю, было не мало. Об этом свидетельствовали и те резкие личные стычки в кругу ближайших сотрудников «Полярной звезды», политическая подкладка которых не всегда была ясна даже их современникам. Мы имеем в виду такие, например, литературно-бытовые факты, как разрыв Рылеева с Булгариным в сентябре 1823 г., то есть как раз тогда, когда Рылеев, войдя в Северное общество, стал особенно чуток к вопросам морали и к общественному поведению всех своих соратников и знакомцев. Мы имеем в виду и другие эпизоды: разрыв отношений Рылеева и Бестужева с Воейковым в сентябре 1824 г.; неожиданную вспышку старого спора о традициях Жуковского и о путях русской поэзии в полемике Бестужева с Плетневым и Рылеева с Пушкиным зимой 1824 — 1825 г.; резкую критику Дельвигом знаменитой концовки послания Рылеева «Я не поэт, а гражданин»⁵; снятие Рылеевым в отдельном издании «Дум» посвящения Дельвигу «Петра Великого в Острогоске»; ясно обозначившийся в 1824 г. отход Дельвига, Плетнева, Баратынского и многих других литераторов от «Полярной звезды»⁶.

Одним из показателей этого быстро идущего размежевания в литературных рядах является, конечно, и предполагавшаяся дуэль Булгарина с Дельвигом.

Самая дата их ссоры, без указания на повод последней, может быть установлена по свежим следам. 19 июня 1824 г. А. А. Бестужев записал в своем дневнике: «У Рылеева с Баратынским — История Дельвига с Булгариным»⁷. Эта «история», видимо, не была ликвидирована и к осени. «Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга, — писал Дельвиг 28 сентября 1824 г. ссыльному Пушкину в Михайловское — <...> мертво и холодно, или иначе: свежо и прохладно! С презрда Воейкова из Дерпта и с появления Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеще подлеще погоняет»⁸.

Это заключение Дельвига было сделано в разгар его работы над организацией нового литературного ежегодника — альманаха «Северные цветы». Инициатором и издателем «Северных цветов» являлся известный петербургский книгопродавец И. В. Сленин, тот самый, с помощью которого Рылеев и Бестужев издавали в 1823 и 1824 гг. «Полярную звезду». Отстраненный от участия в этом альманахе на 1825 г., Сленин, чтобы компенсировать себя за потерю доходов с издания, выдвинул проект нового литературного ежегодника, а редактирование последнего, по совету А. Ф. Воейкова, предложил Дельвигу.

Полагаясь на связи Дельвига с Пушкиным, Жуковским, Крыловым, Баратынским, Козловым, Плетневым и учитывая при этом недовольство многих видных писателей политическим курсом «Полярной звезды», Сленин и Воейков не ошиблись в своих расчетах. Правда, как свидетельствуют воспоминания А. И. Дельвига, племянника поэта, последний сразу же сообщил Рылееву о своих планах, причем Рылеев сначала якобы «ничего не имел» против организации нового альманаха и лишь впоследствии, «по словам Дельвига, был, видимо, недоволен тем, что многие произведения лучших поэтов украсили эту книгу, через что, конечно, много потеряла „Полярная звезда“»⁹.

Информирова Вяземского о новостях литературно-общественной жизни, А. А. Бестужев в письме от 20 сентября 1824 г. с горечью отмечал козни Воейкова, не стеснявшегося никакими средствами для подрыва «Полярной звезды»: «План „Северных цветов“ им начертан и недаром, это уже и он сам говорит, но, чтобы подорвать нас, употребляет он все средства. Мутят нас через Льва с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в „Звезду“ им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно. Одним словом делают из литературы какой-то толкущий рынок <...> Сленин, конечно, имеет все денежные выгоды на своей стороне, ибо сам продавать будет, а выгоды брать ни за что, ни про что, заплатив только 3 тысячи Дельвигу за торг чужими стихами»¹⁰.

Самое появление «Северных цветов» на 1825 год и разгоревшаяся вслед за тем борьба за Пушкина, которого обе литературные группировки пытались склонить на свою сторону, свидетельствовали о том, что размежевание в рядах передовой литературы не только пошло ускоренными темпами, но и очень скоро получило определенные организационные формы. Именно в этой связи очень симптоматичны такие факты, как приезд в Михайловское 11 января 1825 г. И. И. Пущина, представителя интересов «Полярной звезды», как органа декабристов, а во второй половине апреля того же года — Дельвига, вдохновителя альманаха, противостоявшего Рылееву и Бестужеву. Недаром и Рылеев писал Пушкину 25 марта 1825 г. о своих планах навестить его в Михайловском: «Мы с Бестужевым намереваемся летом проведать тебя»¹¹.

Весьма характерно в этом отношении письмо О. М. Сомова от 11 ноября 1824 г. к Рылееву.

Осведомляя последнего о петербургском наводнении, от которого пострадали и новые книги, затопленные в типографских подвалах, Сомов передавал слух о том, что «Северные цветы» едва ли выйдут во-время в свет, так как они «подмокли

СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВЕЩЕНІЯ

И

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1823.

№ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Восточнаго
Азіатскаго Департамента.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

Д и м а.

(Барону А. А. Дельвигу.)

Вы пылкомъ, Гетманомъ, убоге
Кипо семъ мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во зорѣхъ,
Нацѣ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ это сановники, —
Суды, Соплины толпою
И толпами Козаки? . . .

—
«Видѣвъ Промысла Святого
Идѣ побѣдъ дивный щитъ,»
Покорицелю Азова
Старець бойрай говоритъ:
«Остася побѣдой славною
Моря Чернаго берега.

«СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНІЯ И БЛАГОТВОРЕНІЯ» № 3 ЗА 1823 г.

Здѣсь была впервые напечатана дума Рыльева «Петръ Великій въ Острогжскѣ»

Обложка журнала и первая страница думы

в луковичах и, вероятно, не скоро расцветут. Александр <Бестужев> говорит, что они вероятно, были прежде очень сухи, а теперь слишком водяны»¹².

Однако «Полярная звезда» пострадала от наводнения гораздо больше, чем альманах Дельвига. «Северные цветы» вышли в свет во-время, то есть в начале нового года, а «Полярная звезда», из-за перепечатки подмокших листов, опоздала почти на четыре месяца.

Сам по себе этот эпизод не имел бы, вероятно, никаких последствий, если бы его не использовал в провокационных целях Булгарин. Именно ему, как свидетельствуют воспоминания А. И. Дельвига, приписано было ядовитое примечание к «Объявлению об издании Полярной звезды на 1825 г.», напечатанному в «Сыне отечества» и открыто противопоставлявшему «Полярную звезду» новому альманаху. «Северные цветы», издание книгопродавца Сленина, — разъяснилось в «Сыне отечества», — вступает в непосредственное соперничество с «Полярной звездой». Предоставляя сему альманаху <Северным цветам> благоприятное время выхода в свет, желаем ему еще благоприятнейшего успеха»¹³.

Эта проницательная информация сопровождалась обидными для чести Дельвига устными клеветническими комментариями, в создании и распространении которых Булгарин не имел соперников. Именно об этих толках и писал Пушкину 22 января 1825 г. Плетнев: «Какие мерзости с Дельвигом делают эти молодцы за „Северные цветы“. У них на Парнасе толкучий рынок. Всё для денег»¹⁴.

Трудно думать, чтобы Плетнев, рассказывая Пушкину о неприятностях, переживаемых Дельвигом, мог умолчать об ответном выступлении Дельвига, если бы это выступление уже состоялось. А между тем мы располагаем конкретным свидетельством того, что Дельвиг не только реагировал на «мерзости Булгарина», но и реагировал очень бурно. Этому столкновению двух литераторов посвящена была пародическая «Русская баллада», вышедшая из-под пера А. Е. Измайлова, старого литературного врага и Дельвига, и Булгарина. Напомним заключительные строки этого памфлета:

Есть писатель на Мойке, в огромных стенах,
Он под кровлю бежит от людей;
Не выдали, как прячет фонарь на глазах.
И писатель сей, кто он? — Фадей.
Есть другой, по друзьям знаменитей — кто он?
Он в просонье лишь смотрит на свет:
То поэт молчаливый и мрачный — барон,
Для Плетнева он — лучший поэт.
И Измайлов доволен: бароч и Фадей
Насмешили досыта людей.

Эти сатирические вирши относятся к марту 1825 г.¹⁵

Так как 11 февраля Дельвиг на несколько месяцев уже выехал из Петербурга, а в письме Плетнева от 22 января нет еще никаких упоминаний о конфликте, давшем материал для «Русской баллады», то у нас есть все основания для датировки столкновения Дельвига с Булгариным концом января или первыми числами февраля 1825 г.

Именно этот конфликт и послужил основанием для вызова Дельвигом Булгарина на дуэль, о чем рассказывают Пушкин и Нащокин. Прямое отношение к истории несостоявшейся дуэли имеет и вновь найденная записка Рылеева к Булгарину. Записка не датирована.

Однако, учитывая то обстоятельство, что Рылеев после полугодового разрыва возобновил знакомство с Булгариным лишь в середине марта 1825 г., мы не можем отнести это письмо к более раннему времени. Но еще точнее локализует дату отсутствия Дельвига в Петербурге с 11 февраля по 27 апреля 1825 г.¹⁶ Перед самым его возвращением Булгарин писал Пушкину 25 апреля 1825 г.: «Не верьте, что Вам будут писать враги мои, хотя близкие к Вашему сердцу, верьте образцам чести — Бестужеву и Рылееву»¹⁷.

Эти строки, еще недавно не поддававшиеся объяснению, явились непосредственным следствием охарактеризованного нами выше конфликта и подготавливали новый этап борьбы за Пушкина издателей «Полярной звезды» и их союзников с редакцией «Северных цветов».

Записка Рылеева к Булгарину, относящаяся, видимо, к последним числам апреля 1825 г., свидетельствует о том, что если самый вызов Булгарина на дуэль сделан был Дельвигом еще в начале 1825 г., то ликвидация этого столкновения может датироваться лишь указанным временем. Под названием Рылеева ультиматум Дельвига формально был принят Булгариным, но, разумеется, самое «имя» Дельвига «забыто» им не было. Счеты с Дельвигом и с его литературными друзьями прежде всего получают отражение в секретной докладной записке Булгарина на имя Николая I «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» (1826), а затем окрашивают всю позднейшую его борьбу с «Литературной газетой» (1830—1831).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Table-Talk.—Пушкин, т. XII, стр. 159. Этот анекдот, без упоминания фамилий Дельвига и Булгарина, Пушкин впервые отметил в 1830 г. в набросках «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений»: «Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил» (т. XI, стр. 168).

² «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860-х годах». М., 1925, стр. 39—40.— Запись эту Бартев сделал, «перебирая с Нащокиным» страницы XI тома посмертного издания сочинений Пушкина, в котором имена Булгарина и Дельвига были обозначены только начальными буквами: Б*** и Д*** (стр. 173).

³ Записка Рылеева к Булгарину печатается по копии с оригинала, нынешнее местонахождение которого неизвестно.

⁴ Датировка фактов литературных и личных отношений Рылеева, Дельвига и Булгарина в настоящей статье, даваемая без ссылок на первоисточники, опирается на «Краткую биографическую канву», приложенную изд.: Рылеев. Стих., стр. 71—79.

⁵ Пушкин, упоминая в письме к Вяземскому от 10 августа 1825 г. о программной концовке посвящения «Войнаровского» («Я не поэт, а гражданин»), передавал, что «Дельвиг уморительно сердится» на Рылеева за эти стихи (Пушкин, т. XIII, стр. 204). Мы полагаем, что хорошо известное Рылееву отрицательное отношение Дельвига к этим стихам обусловило шутовское обращение его к Дельвику в записке от 5 октября 1825 г., в которой «не поэт, а гражданин» желал бывшему приятелю «здоровья, благоденствия и силы духа» (см. прим. 6).

⁶ Как вспоминает А. И. Дельвиг, «в 1825 г. Рылеев, А. Бестужев и Дельвиг редко видались, и это обстоятельство, может быть, спасло Дельвига от участи, постигшей членов тайных обществ» (А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I. М.—Л., 1930, стр. 76).

Данным о редких встречах Рылеева с Дельвигом в 1825 г. не противоречит дружеский характер упоминаний о Дельвиге в четырех письмах Рылеева к Пушкину, писанных между 10 марта и 12 мая 1825 г., объясняемый прежде всего тем, что Рылеев не мог не учитывать близости Пушкина и Дельвига. О некоторой напряженности личных отношений двух поэтов свидетельствует, несмотря на свой формально дружеский тон, и единственная известная нам записка Рылеева к Дельвику от 5 октября 1825 г. (Рылеев. Соч., стр. 496).

⁷ «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 67.

⁸ Пушкин, т. XIII, стр. 110.

⁹ А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I. М.—Л., 1930, стр. 76.— Этим показаниям Дельвига очень близка анонимная «Заметка» в «Русском архиве» 1873 г., автор которой свидетельствует, что И. В. Сленин, отстраненный от участия в «Полярной звезде», уговорил Дельвига приступить к организации «Северных цветов», уплатив ему за редакторскую работу в альманахе четыре тысячи руб. Создание нового альманаха «было причиной некоторого охлаждения между Рылевым и Дельвигом» («Русский архив», 1873, кн. 1, стр. XCVIII).

¹⁰ Письма Бестужева к Вяземскому публикуются в т. 60 настоящего издания.

¹¹ Пушкин, т. XIII, стр. 157.

¹² Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872, стр. 341.

¹³ «Сын отечества», 1825, № 1, стр. 111. — Об эффекте этой информации, автором которой был скорее А. А. Бестужев, чем Булгарин, см.: А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I, стр. 77. Активность Булгарина в борьбе с «Северными цветами» подогревалась его давней ненавистью к И. В. Сленину, издателю альманаха. Об этом свидетельствует письмо Булгарина к Рылееву от 8 сентября 1823 г. (Сб. «Девятнадцатый век», т. I. М., 1872, стр. 368—372).

¹⁴ Пушкин, т. XIII, стр. 134.

¹⁵ Полн. собр. стихотворений А. А. Дельвига. Ред. и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1934, стр. 485—486. — А. Е. Измайлов, посылая этот памфлет 6 апреля 1825 г. И. И. Дмитриеву, сообщал, что он был переписан «на прошедшей» еще неделе, то есть в конце марта. Дата написания этих стихов, конечно, должна была значительно предшествовать их копировке для Дмитриева.

¹⁶ Там же, стр. 104—105 («Краткая хронологическая канва»).

¹⁷ Пушкин, т. XIII, стр. 168.

Объединение в «Полярной звезде» на определенной литературно-политической платформе всех передовых писателей двадцатых годов не было тайной для читателей альманаха. Весьма характерны в этом отношении суждения об историческом значении деятельности А. А. Бестужева в «Полярной звезде», выраженные в письме А. П. Бочкова к А. А. Ивановскому от 30 октября 1826 г.: «Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты были в каком-то разделении (...) они действовали без всяких видов и только тешились сами собою.

Бестужев первый привел их к одному алтарю, показал им благороднейшую цель; славу России, — и средство: пламенную любовь к родине и знание старины. Но „Поллярная звезда“ скоро закатилась» («Русская старина», 1889, № 7, стр. 113). Молчание о революционной направленности издания и произвольное разъединение в этом письме имен Бестужева и Рылеева объясняются, конечно, боязнью упомянуть фамилию только что казненного поэта.

9. РЫЛЕЕВ — Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

⟨Петербург. 2 июня 1825 г.⟩

Большинство голосов решило ехать в Кронштадт сегодня вечером в пять часов. Итак, если Вы не раздумали, приготовьтесь; между тем, князь Одоевский просит Вас сегодня же в три часа к нему на обед. Приезжайте ко мне, мы отправимся вместе. Если же опоздаете, то спросите у моего человека о квартире Одоевского. Она на углу, против перкви Исаакия, в доме генеральши Булатовой, недалеко от Конногвардейского манежа.

Рылеев

2 июня 1825.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, ед. хр. 48а, л. 36.

Эта записка, как и следующая, была, очевидно, захвачена во время обыска на петербургской квартире Д. И. Завалишина.

Рылеев чрезвычайно интересовался организацией в Кронштадте филиала Тайного общества.

По свидетельству Н. А. Бестужева, Рылеев часто ему «выговаривал», что он, Бестужев, не старается «о приобретении в члены Общества морских офицеров и особенно в Кронштадте, который, будучи крепким и отдаленным местом, мог бы служить, в случае неудачи, для русских тем же, чем был остров Леон для гишпанцев: но я, а равномерно и капитан-лейтенант Торсон, зная действительное положение Кронштадта после наводнения, а более того — расположение его способов и, вместе с тем, нравственные способности офицеров, сие сословие составляющих, всегда доказывали ему ничтожность и невозможность его мысли и, наконец, по осени убедили его съездить самому в Кронштадт и удостовериться в очевидности наших доказательств» (ВД, т. II, стр. 73—74).

Надежды на Кронштадт, ослабевшие у Рылеева «по осени» 1825 г., были еще живы в июне того же года, когда и было написано публикуемое письмо. Поездка в Кронштадт состоялась, что отражено в показаниях Д. И. Завалишина. Имея в виду Арбузова, Н. А. Бестужева и старшего Беляева, он сообщал: «Когда они были в Кронштадте, я приезжал к ним с Рылевым и Кухельбекером <...> Мы пробыли в Кронштадте один день и на другой уехали» (ВД, т. III, стр. 232). Отвечая на заданный ему вопрос, Рылеев показывал 2 марта 1826 г.: «В Кронштадт в прошлом году я ездил два раза. Первый раз летом вместе с Александром Бестужевым, Одоевским и Кухельбекером — единственно из любопытства и для прогулки. Завалишин, не помню, вместе ли с нами приехал туда, или мы его встретили в гостинице, где ночевали; но ехать вместе с ним, кажется, не сговаривались и вообще были в Кронштадте не по делам Общества, а как сказано выше, для прогулки» (там же, стр. 236). Не подлежит сомнению, что последняя часть показания Рылеева представляла собою тактический ход: в действительности поездки Рылеева и Завалишина в Кронштадт преследовали политические цели.

10. РЫЛЕЕВ — Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

⟨Петербург. 15 июня 1825 г.⟩

Записки о России отданы читать. Новостей никаких нет. Я постараюсь у Вас побывать на днях.

Рылеев

Июня 15.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, ед. хр. 48а, л. 38.

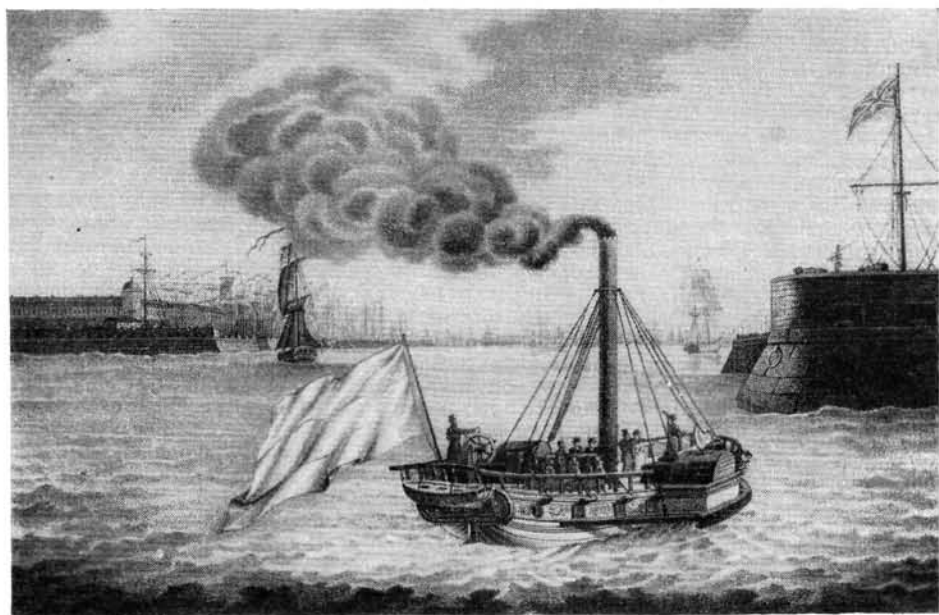
Что имел в виду Рылеев под «Записками о России» — нам установить не удалось. Всего вероятнее, что это — одна из «запрещенных книг», которые Завалишин давал другим членам Тайного общества (см. по этому поводу показание Д. И. Завалишина от 30 апреля 1826 г. — ВД, т. III, стр. 310).

11. РЫЛЕЕВ — Н. А. МАРКЕВИЧУ

〈Петербург. 18 октября 1825 г.〉

Милостивый государь
Николай Андреевич.

Душевно благодарю Вас и за прекрасный отрывок из Вашей поэмы и за письмо Ваше. Первый мы поместим в «Звезде»¹ и уверены, что публика будет ему рада, столько же, как и мы. Не изменяя, однако ж, своей откровенности, мы намерены два или три места выпустить. Эти места показались нам несколько растянутыми и даже, извините за откровенность, бросающими какую-то неприятную тень на все прекрасное сочинение Ваше. Если Вы уполномочите нас действовать по нашему желанию, то

КРОНШТАДТ

Литография, 1825 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

поспешите уведомить. Вместе с тем не поскупитесь прислать для «Звезды» еще несколько пьес. Мы почли бы за особенное одолжение, если б Вы прислали два — три отрывка из «Паризины». Мы читали с большим удовольствием две первые строфы из Вашего перевода, напечатанные А. Ф. Воейковым², и уверены, что просвещеннейшая публика оценит труд Ваш достойным образом.

Теперь позвольте поблагодарить Вас за лестное окончание письма Вашего. Я русский, но три года жил на Украине³: мало для себя, но довольно для того, чтобы полюбить эту страну и добрых ее жителей. Сверх того, Украина наделила меня редкою, несравненною женою. Уже шесть лет моя добрая украинка счастливит меня; и так к привязанности моей еще присоединяется и благодарность душевная, вечная к Малороссии. Я писал, что чувствовал, и никогда не думал, чтобы слабые труды мои заслужили такое лестное внимание потомков Хмельницкого и Наливайко. Не одни Вы, многие из соотечественников Ваших подобным образом отзывались ко мне. Это такая награда, которая навсегда оставит меня в долгу

пред Вашим отечеством. Дай мне бог сил и возможности хотя несколько отблагодарить земляков Ваших.

Если рассудите исполнить нашу просьбу, то посылайте пиесы опять в страховом письме: «Звезда» выйдет в конце декабря.

С истинною преданностью и совершенным почтением,
милостивый государь, Ваш покорный слуга

Кондратий Рылеев

СПб.¹

Октября 18 д(ня) 1825.

На обороте 2 л. адрес: Его благородию милостивому государю

Николаю Андреевичу Маркевичу

в Прилуки, и оттуда в с. Туровку.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 4, ед. хр. 45, лл. 1—2.

О Н. А. Маркевиче — см. ниже в предисловии А. А. Орловой к воспоминаниям Н. А. Маркевича о Кюхельбекере. В сентябре 1825 г. он обратился к Рылееву со словами, полными сочувствия его таланту: «...позвольте мне Вам писать, как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин <...> Итак, могу ли я хладнокровно читать „Войнаровского“ и „Наливайку“? Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность <...> Будьте уверены, что благодарность наша искренняя, что мы от души чувствуем цену трудов Ваших, которые Вас и предков наших прославляют. Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей малороссиян, во многих сердцах не уменьшилась прежняя сила чувств и преданности к отчизне. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка. Примите нашу общую благодарность; Вы много сделали, очень много! Вы возвышаете целый народ, — горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением <...> Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой и кому народы должны воздавать благодарность. „Исповедь Наливайки“ врезана в сердца наших и в моем также».

Это письмо Н. А. Маркевича было опубликовано еще в 1888 г. в «Русской старине» (№ 12, стр. 599). Лишь теперь, через 65 лет после этой публикации, мы имеем возможность напечатать ответ Рылеева. Поэт-декабрист был полон величайшего сочувствия к патристическим помыслам Маркевича, он разделял интерес последнего к национальной истории Украины и героической борьбе ее за освобождение от ига шляхетской Польши. Пожалуй, ни в одном своем письме Рылеев не высказывался с такой полнотой и яркостью, как в этом послании, относящемся к преддекабрьской поре (меньше чем через два месяца после этого произошло восстание на Сенатской площади). В высшей степени характерна для Рылеева и открытость его суждений о поэтических произведениях Маркевича и его высказывания об Украине. «Не один Вы, многие из соотечественников Ваших подобным образом отзывались ко мне». Это признание Рылеева примечательно: хотя подобные обращения и не сохранились в его архиве, мы не имеем оснований сомневаться в том, что они действительно существовали. Обещание Рылеева «несколько отблагодарить земляков» Маркевича имеет, повидимому, в виду трагедию о Богдане Хмельницком, над которой Рылеев в ту пору работал.

В неизданном дневнике Маркевича сохранились следующие строки о публикуемом письме Рылеева: «1825, окт. 18. Кондр(атий) Федор(ович) Рылеев, издатель „Полярной звезды“, благодарит за отправку „Паризины“. Потом описывает свою жену и любовь свою к Малороссии» (ИРЛИ)

¹ Рылеев и Бестужев имели в виду выпустить четвертую книжку «Полярной звезды» на 1826 г. В ноябре 1825 г. Рылеев извещал Пушкина: «Мы опять собираемся с Полярною. Она будет последняя; так, по крайней мере, мы решились. Желаем распрощаться с публикою хорошо, и потому просим тебя подарить нас чем-нибудь подобным твоему последнему нам подарку» (Рылеев. Соч., стр. 497). Однако это намерение не осуществилось. Занятые организационной и пропагандистской работой по Северному обществу, Рылеев и Бестужев вынуждены были вместо большой «Звезды» издать небольшой альманах под названием «Звездочка». В ней и должно было быть напечатано стихотворение «Битва» и отрывок из поэмы «Жизнь» Маркевича, о котором, повидимому, и шла речь в письме к нему Рылеева (см. содержание «Звездочки» в «Русской старине», 1882, № 7, стр. 78 — 82). Отпечатать произведение Маркевича уже не удалось: после 14 декабря издание «Звездочки» было конфисковано.

² Отрывки из поэмы Байрона «Паризина» были переведены Маркевичем и появились в 1825 г. в «Новостях литературы» (сентябрь) с редакционным примечанием А. Ф. Воейкова: «Молодой поэт перевел всю сию небольшую, но трогательную поэму». Полностью перевод появился в «Стихотворениях Н. А. Маркевича» (М., 1829).

³ Рылеев пробыв в Острогжске с середины 1816 г. до августа 1819 г., когда он вместе с женой выехал из имения Тевяшовых, Подгорного, в Батово (Рылеев. Соч., стр. 454).